

ставит в заслугу Задонщине ее будто бы большую, сравнительно со Словом, ясность; то, наоборот, доказательством работы фальсификатора XVIII в. считает прояснение запутанного текста Задонщины. Субъективно и бездоказательно он утверждает вторичность текста Слова, а в поисках его источников обнаруживает больше необоснованной фантазии, чем научного метода. Приведу несколько примеров истолкования сходства и различия отдельных, совпадающих в Слове и Задонщине эпизодов.

Слово начинается архаизмом „лѣпо“, заменившим „лучше“ Задонщины. Откуда же взят этот архаизм? По Мазону, автор XVIII в. нашел его в той версии Задонщины, которой он располагал. Но почему и „древняя“ и „поздняя“ (по терминологии Мазона) Задонщина употребляет одинаково новое „лучше“, — этот вопрос даже не ставится.

Боян в Слове взят из Задонщины, где — это имя „иммигранта XIV—XV в.“ (1938, 3—4, стр. 170). Все соображения исследователей по поводу происхождения в Слове имени Боян просто оставлены без внимания.

Вместо метафоры Боян — поэт-соловей в Задонщине читается удвоенное обращение к реальным птицам — соловью и жаворонку, носящее все следы упрощения. Но для Мазона здесь — замена автором Слова „трогательной простоты“, „наивного, почти сельского оборота“ — „риторикой, претенциозным, темным по смыслу дополнением“ (стр. 181). Однако, характеризуя изображение поэтической фантазии Бояна, Мазон сам вынужден признать, что образ „растѣкается мыслию по древу“ опирается на „темную формулу версий XVI—XVII вв.“ („но проразимся мыслию но землями“ и т. п.). И все же, вопреки очевидности, при полной невозможности объяснить из этой „темной формулы“ Задонщины выдержанную метафору Слова, Мазон определяет ее как „le cliché pseudo-classique“, вспоминая даже по поводу ее... украшения на часах Людовика XVI (стр. 181). Передавая свое личное восприятие, исходящее из предвзятой оценки, Мазон пишет, что „опытному, но спокойному“ поэту Задонщины противостоит в Слове „поэт в экстазе“, отвечающий „преромантической моде“ (стр. 182). Вторичность Слова в этом эпизоде Мазон доказывает таким рассуждением: если бы автор Задонщины пользовался Словом, то как мог бы он удержаться от соблазна использовать эффектные образы сравнения фантазии Бояна с волком, орлом; у него нет упоминания о „мысленном древе“ („не проразимся мыслию“ не учтено.—В. А.-П.). Следовательно, по Мазону, это амплификация в Слове образа вещи Бояна.

Несмотря на то, что „Див“ — вещая птица одинаково вводится и Задонщиной и Словом, именно в этом понимании, Мазон утверждает, что это „более оссиановский, чем русский“ образ, и переводит слово „Див“ — сова (стр. 193). Однако у Оссиана на верхушке дерева сидит настоящая сова, а в Слове и Задонщине — это поэтический образ.